

— За годы на сцене Большого были, наверное, любимые партии? Те, которые доставляли счастье?

— Были, конечно. Самая любимая — последняя: «Тропой грома». Каждый актер счастлив, когда на него специально ставят спектакль. Так было с «Тропой грома», так и балетом «Светлана». А до этого любимым был «Дон Кихот» — музыка которого заставляет радоваться. Ради этого стоить танцевать.

— Как же начиналась радость, ради которой стоить танцевать?

— Балериной я стала случайно. В детстве семья наша много времени проводила в Крыму, в Ялте, где останавливалась у одного врача в небольшом двухэтажном домике. Мы с сестрой жили на втором этаже, комнату рядом занимал художник из Большого театра с женой, которая раньше была балериной. Из парка по вечерам доносилась музыка — играл духовой оркестр. В 9 часов родители посылали меня наверх и считали, что я ложусь спать. Так было, пока их не разбудила жена художника. Она посмотрела, как я танцевала в ночной рубашке на балконе под музыку из парка. Танцевала, очевидно, «Лебединое озеро», единственный балет, который видела, причем несколько раз. Пораженная тем, как я двигалась в такт музыке, она рассказала об этом моей маме и порекомендовала ей отдать меня в балетную школу. Это было в 25-м году. Мама привела меня на Пушкинскую, дом 2/6, в большое здание во дворе, где шел просмотр девочек. Подошла моя очередь. Помню зал, стену-зеркало, стол, покрытый зеленым сукном, педагогов, врача — он спрашивал у каждой, есть ли у нее аллоиды, концертмейстера, который сидел у рояля.

Поняли мне одну ногу, другую, согнули пополам, спросили, умею ли я прыгать, а потом сказали: «Иди под музыку и слушай ее». И не приняла меня.

— Как не приняли? Почему?

— Долгое время я была убеждена, что всему виной мои кудряшки. У нас дома был портрет Анны Павловой: прилизанные волосы на прямой пробор. Свои я прилизывала и так и сяк, и никак не могла сделать их прямыми.

Меня хоть и не приняли, но внесли в список первым кандидатом, если что-нибудь случится. И случилось. Меня вызвали и зачислили в школу вместо Зои Шлыгиной — ей предстояла операция по удалению аппендицита, конечно, ни о каком танце не могло быть и речи. Кстати, когда меня не приняли, я для себя твердо решила, что обязательно буду балериной.

— Видимо, эта черта характера и вела вас всю жизнь.

— Вы совершенно правы. Трудности начались с фуэте. У меня оно не получалось. А быть балериной и не делать фуэте — нонсенс. Мне помогла мама. Она подружилась с нашим сторожем Кузьмой, жившем на первом этаже школы. Сейчас их отношения определялись бы, как «ты — мне, я — тебе». Он курил, мама приносила ему табак. Мама настолько завоевала его сердце, что после того как закрывали школу, он открывал ее для нас: включал свет, пусквал в зал. Я рисовала мелом большой круг и делала фуэте. 2, 4, 6 — вылетала из круга. В перерывах между фуэте готовила уроки: на рояле лежали книжки и «Мишки» — самые любимые мои конфеты и до сих пор. Прошел месяц, второй, было уже 24 фуэте, потом 30, 32. Потом даже больше, чем нужно.

Это возможно только в 17 лет делать 50 или даже 60 фуэте.

— Это преодоление или упрямство?

— Преодоление. В моей жизни было много преодолений, много трудного. В 51-м я сломала ногу. Шел «Красный мак», я танцевала китайку Тао Хоа. Специально для капитана советского судна, пришедшего в Китай с продовольствием, мой хозяин, владелец кабаре, устроил спектакль — маленькая вариация с пальчиками-ноготками, которые специально надевались. Моя сестра, сидевшая во втором ряду, вдруг услышала треск — он раздался со сцены, услышали его и артисты. «Наверное, сломалась стелька в балетной туфельке», — подумали они. Увы, это был треск сломавшейся кости. Я не могла уйти со сцены и продолжала: поклонилась капитану, вручившему мне большой цветок алого мака — символ китайской революции и победы народа. И тут, на мое счастье, из-за кулис принесли паланкин, в который я должна была влезть, помавав капитану на прощание рукой. За кулисами я потеряла сознание.

Представьте себе 7 ноября, праздник. А меня везут в карете «скорой помощи» в больницу на Грановского. Реинген показал, что там не один перелом. А четыре. В этой же больнице тогда лежал и Михаил Михайлович Пришвин. В дневниках Пришвина, в последнем томе, написано: «Привезли какую-то балерину, ничего особенного». А через три странички: «Влюблен как гимназист».

Это был очень тяжелый период в моей жизни: муж арестован, меня тогда отвозили попросили — из горькома, райкома, депутатов, да еще нога сломана. Что делать? Как жить дальше? Вроде все ушло и жить не для чего. Пришвин как-то примирил меня с тем, что жизнь продолжается. Это был удивительный человек. Мне сделали огромный сапог на большую ногу, чтобы я могла на нее вставать. И я приехала к Пришвину, который к тому времени, как я

стала поправляться, уже выписался из больницы. У Пришвина написано: «При-»

е-з-ж-а-ла...» Он мне очень помог встать на ноги в полном смысле этого слова, заставил думать о том, что жизнь не кончена. И действительно я танцевала еще 10 лет.

— И опять — преодоление. Вы сластена? Приходилось от «Мишек» отказываться?

— Безумная сластена. И об этом знали все. С детства. Мама делала морковные пироги, сладие и вкуснее я ничего не ела за всю свою жизнь. А еще я всегда любила пирожные. Помню, было мне лет тринадцать-четырнадцать, в конце учебного года, который я окончила с очень хорошими отметками, должен был состояться концерт, где я играла в четыре руки с моей учительницей. Играла хорошо, даже Ипполитов-Иванов говорил маме: «Ну, что она у вас все танцует и танцует!» Шла бы в консерваторию — стала бы человеком». И вот, решив поощрить меня, папа сказал: «Проси, что хочешь». Но подарок я решила сделать

себе сама. За те диктанты, которые я писала хорошо, папа давал мне по рублю, и я эти рубли собирала. А за плохие — рубль отдавала. Так вот, я решила собранные деньги потратить на пирожные. Я тогда съела 14 штук. В кондитерской на углу Мясниковой — там были прекрасные пирожные и удивительный чай. 14 пирожных! Правда, это были птифуры. Потом я должна была отказываться от сладостей. Когда же ушла со сцены, снова стала позволять себе чуть-чуть, хотя ученикам своим никогда не разрешала.

— Как случилось, Ольга Васильевна, что у

вас в России нет учеников?

— Это не совсем так: был один класс, и я горжусь тем, что Олечка Тарасова и Ничка Тучина — мои ученицы, теперь они получили звания и сами ведут классы. А больше классов не было. Не востребовал меня ни театр, ни школа. Не нужна была, наверное, потому, что и без меня много хороших педагогов: и в театре, и в школе — и у Григоровича, и у Головкиной. В 63-м я оставила сцену: прошел год после смерти мужа и я поняла, что танцевать больше не смогу — ушла радость. Узнал об этом Валентер Фельзенштейн, режиссер из берлинско-

Ольга ЛЕПЕШИНСКАЯ: «Восьмерка —

Трудно, да что трудно, невозможно, видя ее молодые глаза, представить, что ей восемьдесят. Тридцать лет танцевала Ольга Васильевна Лепешинская на сцене Большого театра, более двадцати проработала педагогом-репетитором. Ее ученики выступают на многих сценах мира. Она говорит о них с любовью. Обо всех.

— Чай или кофе? — спрашивает она меня.

— Чай. — Рекомендую кофе, необычный. Его пьет английская королева, и я. Побойтесь и вы английской королевой.

В честь

В Большом театре нынче такое увидишь нечасто. От пола до потолка все кипело. Вечерние туалеты «от имярек» и выходные платья-самострост, обнаженные плечи и костюм, по которому безошибочно узнаешь школьную учительницу с тридцатилетним стажем. Сытеньким шмелем-снужжал партер. До отказа наполнялся несуетливый бенуар. Трепетали ярусы. Надежды проникших сюда всеми правдами и неправдами неприлежированных балетоманов не сбывались — их неуклонно сгоняли с мест счастливые обладатели билетов. Сидели на бортиках, стояли на стульях.

В директорской ложе — Галина Уланова, Марина Семенова, Раиса Стручкова. И — виновница торжества Ольга Лепешинская.

По случаю юбилея прославленной балерины Российская Хореографическая Ассоциация (Ольга Васильевна возглавляет ее вот уже пять лет) и Большой театр («Пламенная москвичка» танцевала на его сцене с 1933 по 1963-й) подготовили гала-концерт в рамках международного культурного проекта «Бриллианты Мирового балета».

Грянул оркестр, пошел занавес. На залитой светом сцене — дети, учащиеся Московской Академии хореографии. Умилительно прилежно исполнили «Маленькую симфонию» В.Беллини в хореографии Софьи Головкиной. Зал с готовностью и воодушевлением воспринял не новый, но вполне уместный и беспримесный ход (автор сценария и постановщик концерта — В.Гордеев). И прежде всего потому, что очень уж хотелось праздника. Однако, блеснув в оригинальном решении Па де де из балета П.-Л. Гертеля «Тщетная предосторожность» (вместо положенных двух исполнителей в нем участвовало семеро), режиссерская мысль больше не давала о себе знать.

Впрочем, не совсем так. Концертные номера то и дело перемежались кадрами кинохроники, запечатлевшей в танце знаменитую юбиляршу. Худшей услуги современным ее собратям оказать было нельзя. На выцветшей кинолентке — полет, вихрь, кураж, а главное — радость. Неистребимая, неолимпийская, неустойчивая радость жизни, через плену времени и экранов заставлявшая публику восторженно рукоплескать. Но через мгновение на сцене от радости этой не осталось и следа. Ни солисты Большого Надежда Гачева и Константин Иванов, ни гости из Мариинки Альвира Тарасова и Андрей Баталов оживления не внесли. А те, кому по силам было исправить положение, как нарочно, остались в тени.

Воплощенные очарование, женственность, кокетство — Татьяна Чернобровкина, солистка Музыкального театра имени К.С.Станиславского и Вл.И.Немировича-Данченко и лучшая на сегодняшний день московская

Экран и сцена —

должен обладать любой артист балета.

— Ольга Васильевна, вы всегда добродетельны, ни о ком не говорите плохо. Вас что, никогда не обижали?

— Не помню. Но жизнь моя тем не менее никогда не была легкой. Судьба порой была очень сильно. Все мое поколение досталось. Одна война чего стоила. Она отняла у моего поколения четыре года расцвета. Почему мы пошли на войну? Защищать Родину, простите за высокопарные слова. Мы — три девочки: Суламифь Мессерер, Ирина Черноцкая и я — самая маленькая, пришла в военкомат, и

военком — полковник Тарасов сказал нам: «Если хотите идти на войну, идите в сестры милосердия». Я очень расстроилась, потому что была уже тогда воробьевым стрелком, у меня даже был значок, который я немедленно на себя надела, чтобы подтвердить необходимость моего пребывания на фронте. Тарасов сказал, что у нас еще много дел дома, и оказался прав. Мы убирали Москву, мыли метро. В первые дни войны я сняла балетные туфли и занялась, что больше танцевать не буду.

— Но тем не менее танцевали?

— Да, во фронтовых бригадах, в составе которых мы ездили на передовую, провожали эшелоны с Белорусского вокзала. Помню, как от-

нившились. Перед отправкой состоялся митинг, где я должна была выступать. И вдруг слышу: «А ты бы лучше станцевала, Ольга». Я видела этого человека, он был комсоргом тормозного завода. Откуда-то взялась гармонь, расступился народ, появилась импровизированная сцена. Мимо окола меня: лезгинка, цыганочка, русская, казачок. Никогда я в своей жизни подряд

столько не танцевала. Кавалеры менялись — уходили эшелоны на фронт, и многие не возвращались. Не вернулся и Миша.

Потом, конечно, были и фронтовые бригады. Первая ушла до 16 сентября, бригадой была Валерия Барсова. Мы уезжали в первую мотострелковую дивизию, которая дислоцировалась под Можайском. Послали на вручение дивизии гвардейского знамени. Концерт шел в полуразрушенной церкви: пели величальный бас Михайлов и Валерия Барсова, читал Дмитрий Журавлев, танцевали мы с Мессерером. День Победы встречали в Варшаве, в разрушенной, но непокоренной. Нам построили сцену, чтобы мы могли выступить на площади. Откуда-то взялись люди: из подвалов, землянок — люди, пережившие войну.

— Досталось вашему поколению... — Да, но мы не думали об этом. Мы просто делали, что могли, и не считали это героизмом. Убирали Москву, дежурили на крышах. Я во время войны жила на улице Горького, в доме номер 15, напротив Елисеевского гастронома. На крыше своего дома я и дежурила во время налетов. Там стояла статуя девушки в каком-то балетном па. Илья Эренбург как-то написал, что это я. А наискосок через Пушкинскую площадь, на крыше дома, в котором редакция «Известий», находился пост ПВХО, а комиссаром там был Михаил Габович — один из моих партнеров. В нашем доме не было телефона, а у Габовича был. После бомбежек, когда отлетала вражеская авиация, ему звонили и спрашивали: «Лепешинская жива?» Думая не обо мне, конечно, а об этой фигуре. Кстати, когда я ушла на творческую пенсию, у статуи отлетела одна рука, потом какая-то другая часть тела, и ее сняли с крыши.

— Трудно, невозможно представить вас на пенсии.

— Один из моих самых любимых партнеров Володя Преображенский, с которым мы очень дружили, сказал как-то, что аплодисменты продлевают жизнь. Не знаю, может, потому я так долго и живу. Такая цифра приблизилась ко мне, невероятно крутая восьмерка — счастливая цифра. Иногда даже самой себе завидую, хотя и независтливый я человек.

— У вас одна восьмерка, может, стоило поздравлять Марине Тимофеевну Семенову, у которой две?

— Если завидовать, то уж лучше Тальони. У нее были две девятки. Девятка тоже счастливая цифра. Жизнь продолжается: мне еще так много надо успеть.

— ???

— Вот отложила себе книги, которые обязательно должна прочитать.

И она показала на стопку книг. Штук 40.

Беседовала Марина БАГДАСАРЯН.

счастливая цифра”

го театра «Комише-опера». Создавая балетную труппу, он пригласил балетмейстером Тома Шиллинга, очень талантливого человека, а в приданку к нему меня — помочь в становлении этого балетного коллектива. Из Берлина я наезжала на 3-6 месяцев в Будапешт, где работала педагогом-репетитором с высокопрофессиональной труппой.

Потом были Швеция, Италия, Япония. У меня в комнате есть даже японский уголок, в котором собраны самые разнообразные куклы. В другой комнате — коллекция зайчиков. Когда учишь детей идти по диагонали, носики должны «смотреть» в угол, а зеркала по бокам: очень трудно не поворачивать голову. Вот почему я всегда говорю: «Не поворачивайте головы, а скашивайте глазки, как зайцы». Прощаясь со мной, дети дарили мне зайцев. У меня вся квартира в зайцах с надписями: «От зайца такого-то». Кстати, дарили не только дети, но и взрослые.

Работала я и в Египте, и на Филиппинах, и в Соединенных Штатах, и в Канаде.

— Поделитесь секретами мастерства, которые вы передавали своим ученикам.

— Особых секретов нет. Наше искусство зиждется на трех китах: первое — балерина должна обладать высокой техникой, потому что, если ты думаешь в момент исполнения, что то или иное движение трудное и тебе нужно его пре-одо-леть, это плохо: техникой нужно владеть так, чтобы не думать о том, что и как сделать. Второе: в каждое движение необходимо вложить разум, обязательно. Ну, а третье: каждое движение должно быть наполнено душой. Это три непеременимых качества, которыми

балерины

балерина, танцевавшая Ваханку, партию, будто специально созданную для ее чувственного, искристого таланта, потерялась в коротком и самом невыигрышном фрагменте «Вальпургиевой ночи».

В крошечной вариации из «Тщетной предосторожности» «просквозил» по сцене Геннадий Янин, который — дай ему волю — один способен взвинтить зал, подарив ему пьянящее чувство ликования, торжества и восторга.

Полубожевавшись бриллиантами отечественной огранки, с нетерпением ждали второго отделения.

Российской Хореографической Ассоциации повезло. Год славного юбилея ее президента — это и год пятилетия самой Ассоциации. Не всякому из нынешних новообразований выпадает столь удобный случай отметить пока еще скромную дату, к месту и вовремя продемонстрировав приобретенный вес и возможность. А они оказались немалыми.

В наши дни, когда гастроли даже одного танцовщика мирового класса для России непоколебимая роскошь, участие в концерте двенадцати солистов ведущих театров Европы и Америки — фантастика. Между тем это именно так. Ассоциация преподнесла Ольге Лепешинской, говоря на языке ювелиров, «большую парюру» из дюжины драгоценных камней. Двадцать шесть лет отдала балерина преподаванию в хореографических училищах и лучших балетных труппах мира. В тот вечер балетный мир отдавал должное ей.

Ярка, стильная, трагичная (рваная пластика, точно рваная рана) звезда Гранд-Опера Мари-Клод Пьетрагалла и Анхель Корейя — ангел из Америкэн Балле Тизтр, покоритель Нью-Йорка и Парижа. Посланцы Английского Королевского балета, Шведского Королевского балета, балета Хюстоуна, Баварского Государственного балета. Конечно, мы не успели хорошенько узнать их, сборный концерт есть сборный концерт. Но знакомство состоялось. И праздник состоялся.

А после были цветы, буйство цветов. И в едином порыве поднявшийся зал. И колени преклоненный пред растроганной и растерзанной «хозяйкой зрительских сердец» Владимир Васильев. И сбивчивые слова. И — золотой дождь, на минуту будто уравнивший и примиривший всех на этой сцене.

В Большом театре нынче такое увидишь нечасто.

Наталья ЗВЕНИГОРОДСКАЯ.

Экран и сцена —